

Anabol Diacyński z miasta Kokczetaw ^{opisadanie -}
~~proszmote~~ = p. Anny
Golauską, która ~~skrytce~~ potem zmarła. Cieżkie skrzydła losu AW II 13025
ТЯЖЕЛЫЕ КРЫЛТА СУДЬБЫ.

Когда идешь на встречу с человеком, которому перевалило за сто лет, невольно чувствуешь какое-то неясное волнение и даже робость. Ведь этот человек не только родился в той, дореволюционной эпохе, но и хорошо ее помнит. И к встрече готовишься словно с представителем иного мира.

А реальность оказывается более естественной и обычной. Разговор идет неспешно, по-домашнему. Все мне понятно. Да и как не понять? У нас, поляков, здесь одинаковая судьба...

Анну Голаускую, сто двухлетнюю жительницу села Донецисе, что в Кокчетавской области Северного Казахстана предупредили, что к ней придет сотрудник польского еженедельника "Реляция". И теперь она очень сокрушается и сомневается, что вот в последние дни немес-жечко прибегла и поэтому вынуждена встречать корреспондента сидеть в постели.

Тем не менее духом она сильна по-прежнему. И суждения свои выражает хоть и слабым голосом, но с твердой убежденностью.

— Не так уж плохо было до революции, как об этом говорят! И хозяйство было свое у каждого, кто умел и не ленился хозяйничать, и в доме достаток всегда был. Во всяком случае, голодать не голодали и уж тем более никто с голоду не умирал, как в тридцатые годы.

Здесь старушка не выдерживает, доброе лицо ее покрывается скорбными морщинами, а на глаза набегает слезы. Мами Анна достает платок, вытирает лицо, глаза.

— Вот всегда она так! — с виноватой улыбкой говорит ее старшая дочь Ядвига, которая привела меня сюда. — Как только вспомнит переезд в Казахстан, сразу начинает плакать.

Рядом стоит младшая дочь Мария, у которой мать живёт, она утешает ее:

— Не волнуйтесь, мама! Ведь сейчас все хорошо.

Пани Анна смогла выкормить и вырастить семь детей. Вообще-то их у нее было четырнадцать. Но половина из них умерла. И почти все — в Казахстане...

— Не волнуйтесь! — в свою очередь упрекает их мать. — А вы забыли, как когда-то нас увозили, а вы кричали с возов:

— Мамо, мамо, куда же вы нас везете?! Вон уже и дома не видно! Уже и тополей не стало видно!!

Почки молчат.

Тогда государство раздобрилось, на сбори дамо целых четыре дня:

— Готовьтесь! Поедете поднимать лучшие земли Казахстана. Здесь у вас трудная, тяжелая жизнь, а там нас ждет хорошая земля, растут персики, груши. Можете взять с собой что-нибудь из скота. О домах не жалейте, там у вас будут лучше этих!

Ехать они должны были одним из первых эшелонов. Как раз в канун Троицы-Зелёных Свят.

— Дайте хотя бы праздник дома встретить. С родней попрощаться!

— Не можем! На этот день заказан поезд.

В ожидании поезда они просидели на станции в Новоград-Волынском двое суток. Чтоб никто из них никуда не сбежал, паспорта отобрали. Обещали отдать в Казахстане. Отдали через двадцать лет. После смерти Сталина.

В Казахстан ехали в товарных вагонах. В одном вагоне люди, в другом — животные, в третьем корма. Поначалу большой строгости не было. На станциях, пока одни кормили скот, другие успевали сбежать за кипятком.

Но где-то, уже на Урале, с ними разговорились местные жители, знавшие Казахстан.

— Зачем вы, люди, туда добровольно едете? Не едьте. Ничего там хорошего нет!

— Как это добровольно едем? Нас выселили!

— А здесь всем говорят, добровольцы едут в Казахстан!

И такое понарасказывали об их будущем месте обитания, что пассажиры товарняка взбунтовались.

— Не поедем дальше! Возвращайте назад!

Разозленный командант со своими помощниками, где угрозами, а где угрозами все же загнали всех обратно в вагоны. И в отместку за бунт до самого Казахстана не выпускали из вагонов.

Выгрузили их на станцию Тайнча, здесь кончался железнодорожный путь. Простого обрывались рельсы — и все. Никакого вокзала не было, да и вообще ничего не было. Только возле рельсов сидели две машины — полугорки.

Людей садили группами в эти машины, увозили за тридцать пять километров в степь, где стояли несколько огромных брезентовых палаток и высаживали.

— Здесь будете жить! — коротко объясняли им, и машины мчались за новыми группами людей.

Ставшие садились на землю и, проклиная свою судьбу, горько и безнадежно плакали. Так прошел первый день и первая ночь на новом месте. Скот пригнали и привезли вещи на второй день.

Анна со своим мужем Язефом так и не вступили на Украину в колхоз. Хотя за это у них обрезают землю едва ли не под самое крыльцо. Оставили только садик с несколькими фруктовыми деревьями и растущей между ними картошкой.

Муж Анны, который был хорошим плотником, предпочел работать

по найму. Она тоже подрабатывала, где могла, в том числе и в колхозе, но вступать не вступали.

Интересная деталь. Юзеф на одних хуторах с гетманом Петлюрой, но характеры и судьбы у них оказались совсем разные. И когда гетман преждевременно закончил свой жизненный путь, то работники НКВД заставили гроб для него делать Юзефа. Потом он еще долго опасался, как бы оставшиеся в живых Петлюровцы не посчитали за это и его черкесом и не убили. Собылось!

В Казахстане в колхоз им пришлось все же вступить, иначе было просто не выжить. Дерев здесь не было абсолютно, и земляники свои люди складывали из самана — больших кирпичей из глины, перемешанной с землей.

Пока они строили свои примитивные жилища, жили в палатках. Скученность была непередаваемая, ведь вскоре привезли еще один эшелон с людьми. И кто-то оказался болен дизентерией, а врачей среди спецпереселенцев не оказалось. Не было и палатки, куда можно было бы поместить первых больных...

Вспоминая об этом, пани Анна снова начинает плакать.

— Чети умирали один за другим. В некоторые дни хоронили по десять детей. В той палатке, откуда все началось, умерли почти все.

Осенью и зимой мучения продолжались. Осенью сквозь размокшую дырявую крышу в землянку лилась вода, зимой промерзали все углы.

— А как люди мучились в войну! — снова с дрожью в голосе говорит старая женщина и безнадежно мотает головой. — Не дай бог никому! Работали от зари до зари и зимой, и летом, а придет пора получать на трудодни — получать нечего. Есть нечего. Устадешь горсть — две зерна, поймают — посадят. Сдеться было не во что. С постелях и говорить нечего! В чем человек ходил целый день, в том и ложился спать. Тспить нечем, вокруг стена. Зимой в жилище постоянно за-

мерзала вода.

Я молча слушаю, киваю головой. По рассказам бабушки, родителей, я знаю, такое было и в моем родном селе, и во всех других поселках спецпереселенцев. Это на официальном языке "спецпереселенцев", а если на человеческом — безвинно сосланных.

— И ведь, что обиднее, чаще всего свои же, тех, которых выбрали в правление колхоза да сельсовет, выжимали все что могли с остальных, доводя их налогами и займами до нищеты.

Помню, случай был в те годы. Проезжал по каким-то своим полям нашими полями начальник районной милиции Петухов. Смотрит, впереди, тоже в сторону села бредет небольшой табун скота. Но скот до того облеплен снегом, что и не разобрать, какой именно. И какому это дураку, думает, в такую погоду животных вздумалось гнать!

Догоняет, всматривается. Да это же люди! Впереди, к животу привязали какие-то тряпки, в которых лежат найденные в плохо обмоловленных скирдах колосья. На спине несут вязанки соломы. Может для отпущения жилиц, а может и для корма своим коровам. Согнулись от ветра, бредут по степи.

Это уже даже для начальника правоохранительных органов показалось верхом издевательства. Да видно и рассуждал он более умно и практично. Во всяком случае, прискакал к сельсовету, ворвался в помещение: "Вы что, вашу мать, совсем ступели?! Всех людей загубить хотите. А работать в колхозе кто тогда будет, вы?!"

Все-таки нагнал на них на какое-то время страху. Выделили лошадей, сани, чтобы привезли соломы своему скоту. Самым бедным выдали на пропитание немного стходов.

Один из старших сыновей Анны в войну был на фронте, второй — в трудармии. А ей, вот, чтобы не умереть самой и детям меньшим, приходилось воровать. То в карманах принесет зерна домой, то за

пазухой... Муж Анны, человек тихий, спокойный от таких "рискованных операций" отказывался категорически:

—Вон соседу Яну за три килограмма украденной морковки, три гола дали!...

Ее муж Юзеф умер в 1975 году.

А ей два года назад всем колхозом справляли столетие. Были даже представители районного руководства. Сначала говорилось много добрых слов со сцены сельского Дома культуры. А потом председатель колхоза Франц Козловский пригласил Анну и еще пятьдесят самых старых колхозников за нарытный стол и обращаясь ко всем сказал:

—Только благодаря вашим рукам и вашему трудолюбию наше село стало одним из красивейших в районе, а колхоз — одним из богатейших!

Это правда. Но сколько же из-за той проклятой сталинской политики отдано за это крови и слез! И жизни!!

Не так давно соседи Анны побывали на Уштомирщине, в родном ее селе Суслы. Дома уже нет. Но в саду все так же, как и полвека назад растут ее любимые маленькие разноцветные цветы: белые, желтые, розовые.

Анна не знает их русские названия.

—Здесь я таких не видела. А там, кто называл стокруть, кто — стокрусь.

У Анны 15 внуков, 60 правнуков, 4 праправнука. Часть из них уже побывала на Украине, а некоторые собираются даже в Польшу. А ей уже так и не довелось больше нигде побывать...

Анатолій Пятчинський /Anat-С. Puzoszyński/

Председатель польского общества города Кокчетав.